

20 АПР. 418

Неизвестные пьесы и сценарии Горького

Каждое слово Горького дорого для нас. В этом отношении издаваемые Институтом мировой литературы им. Горького архивные материалы представляют большой интерес. В первом томе «Архива Горького», вышедшем в прошлом году, были напечатаны лекции по истории русской литературы, прочитанные им в Калпийской партийной школе.

В ближайшие дни в Гослитиздате выходит второй том «Архива»^{*}), включающий двенадцать пьес и сценариев, в том числе картины к инсценировке П. Сухотина «В людях» и либретто оперы на тему о смысле и радости жизни.

Второй том «Архива» представляет исключительный интерес, так как вносит много нового в понимание драматургии Горького и знакомит с Горьким-сценаристом. Сборник открывается законченной пьесой «Сомов и другие», которая, помимо всего прочего, замечательна тем, что это — единственное крупное произведение Горького, в котором действие происходит в советское время. Это пьеса о вредителях, о буржуазной технической интеллигенции, материально и духовно связанной со своими хозяевами, не верящей в возможность иного способа хозяйствования, кроме капиталистического. Злой проницей звучат сейчас слова вредителя Сомова: «Мы — единственная сила, которая умеет, может работать и должна строить государство по-европейски». Горький показывает, как глубоко прогнила гниль в быт, в сознание последних отпрысков русской буржуазии. Обедненные ненавистью к власти народа, к социалистическому порядку, они и между собой живут, как пауки в банке: каждый из них готов уничтожить своих сообщников, перегрызть друг другу горло, предать, лишь бы сохранить свою жалкую жизнь.

Этому миру собственников противопоставлены советские люди первых лет мирного социалистического строительства. Неопытные еще в делах, чрезмерно доверчивые к «специалистам» по... контрреволюционным делам, они составляют в пьесе ту среду, которая неумолимо выталкивает из жизни жалкие, но ядовитые остатки старого строя жизни. Старый ра-

бочий Брыжов, чутьем обнаруживающий вредительство, беззаветно преданная делу народного образования учительница Арсеньева и Людмила, девушка добрая, умная, пытливая, в которой чувствуется будущий активный строитель социализма, — эти образы принадлежат к лучшим драматургическим образам советских людей того периода. Весьма интересен образ честного интеллигента Яропегова, появившегося, что «большевики пытаются уничтожить основу зверячьего быта», и в глубине души сочувствующего им, но не находящего в себе силы решительно порвать с миром вредителей и паразитов.

Пьеса должна привлечь внимание наших театров, как одно из крупнейших явлений горьковской драматургии.

Три действия (четвертое не закончено) следующей пьесы — «Яков Богомолов» и небольшие отрывки пьес «Евграф Букеев» и «Христофор Букеев» представляют большой интерес в другом отношении. В них обнаруживается, с каким большим и упорным вниманием Горький разрабатывал в своих пьесах тему «бульгачевщины»: распада всех устоев старой жизни, понимания наиболее умными представителями эксплуататорских классов своей обреченности. Это люди без будущего, которое они и не способны ощущать. Очень хорошо это показано в одной из сцен пьесы «Яков Богомолов», названной составителями сборника по имени главного действующего лица. В сцене участвуют инженер Богомолов, крупный землевладелец Букеев и Борис Ладьгин — «молодой человек со средствами».

«Букеев... Я говорю: моя жизнь, а — что в ней мое? Вот у меня имущество, о нем заботиться надо, а мне — день. Или — племянница — о ней тоже надо заботиться, а я не умею... (Раздраженно). Вообще, что в моей жизни мое? Ничего нет, кроме забот!»

Ладьгин (смеется). Курьез! Да вы раздайте имение нищим...

Букеев. Я говорю серьезно!

Ладьгин. И я тоже.

Букеев (Богомолову). Ну-с? Как же?

Богомолов. Вы сегодня дурно настроены. А вот когда эта огромная ваша земля будет орошена, когда везде вокруг насадят сады, парки, возникнет образцовый курорт, первый в России, и когда весной все зацветет, зайграет на солнце, появятся в аллеях и около куртин цветов жем-

шины, дети, — тогда вы скажете: это мною сделано...

Букеев. И только? Ну-у... Это будет через двадцать пять лет. А я хочу сейчас чего-нибудь... для себя, для одного себя, вот этого, такого вот.

Ладьгин. Очень верно! Что вы скажете, философ?

Богомолов. Ничего не скажу! Но — если вы серьезно говорите, — это несчастье.

Букеев. То-то вот и есть, что серьезно. Богомолов (убежденно). Тогда — вы несчастный человек. Для счастья необходимо чувствовать радость труда, творчества.

Букеев. Мужик трудится всю жизнь, а радости не видать в нем.

Богомолов. Потому что его труд изнурителен, подневолен и ничтожен по результатам. Он с'едает всю свою работу, и это не дает ему возможности чувствовать себя исторической личностью, человеком, украшающим землю для радостей будущего.

Букеев. Радости будущего! Какое мне дело до них?».

Горький показывает в пьесе, что эти «отрицатели» будущего не имеют и настоящего: вся жизнь у них уходит на мелкие интрижки, поиски мнимых удовольствий, словом, расстрачивается по пустякам. Это — живые трупы.

Из сценариев особенно интересны «Степан Разин» и «По пути на дно». «Степан Разин» как бы разрывает сценарную форму и разворачивается в эпическое полотно об одной из самых поэтических фигур русской истории, по выражению Пушкина. нравы людей XVII века, могучий размах крестьянского восстания, народные песенные мотивы о легендарной персянке — все это делает сценарий увлекательным для чтения.

В сценарии «По пути на дно» дается предьстория персонажей знаменитой пьесы Горького.

Сборник неизвестных пьес и сценариев, несмотря на разнохарактерность тем, объединяет горьковской идеей неизбежности крушения старого мира и победы нового. Это не архив, в обычном понимании этого слова, а острое оружие борца, новые страницы из великого наследия гениального писателя. Советский читатель с интересом прочтет новую книгу Горького.

А. КОСТИЦЫН.

* М. Горький. Пьесы и сценарии, Гослитиздат, 1941 г., 340 стр.